

The background of the cover is a photograph of a natural landscape. On the left, a large, craggy rock formation juts out into a dark blue lake. In the foreground, a large, smooth, brownish rock sits in the water. The middle ground shows rolling green hills and mountains under a bright blue sky filled with large, white, fluffy clouds. The overall scene is peaceful and scenic.

Золотой идол Хархана

ЕКАТЕРИНА СМОЛЕВА

6+

Екатерина Владимировна Смолева

Золотой идол Хархана

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=41164356

SelfPub; 2019

Аннотация

Времена меняются, человеческая природа – нет. Воинская доблесть и произвол царей, коварство и хитрость, любовь и предательство – и все это глазами... сусликов, которые живут под ногами людей, мечтающими оставить след в вечности. Ты их не видишь? А они есть. Они все запомнят и все расскажут внукам.

Глава 1.

Весна, как всегда на Байкале, пришла тихо-тихо, ночью, когда никто не слышал ее осторожных шагов. Еще вчера кушали и рвали с земли снежное одеяло колючие ветра Сагаалгана, как вдруг утром пригрело солнышко, сморщился и потемнел снежный покров. Радостно затараторили поползни и синицы. Нежась под солнышком, раскрыли мохнатые сиреневые чашечки цветки сон-травы. Кап-кап-кап! – застучали, срываясь с сосновых лапок, прозрачные капельки воды. Одна из них, самая смелая, упав на землю, не разбилась, а схватила за руку подружку и потекла ручейком все дальше, дальше, вниз, под горку, в ямку!..

А в ямке – на самом деле это была норка – спал суслик Доржо. Всю зиму он, свернувшись клубочком под боком у своего дедушки, смотрел сны о теплом солнышке и так засмотрелся, что едва не проспал весну. Но храбрая капелька шлепнулась с потолка ему прямо на нос.

-А-а-пчхи! – сказал Доржо и проснулся.

Он понюхал воздух и понял, что происходит что-то замечательное. Настолько замечательное, что оставаться в норке больше не было никакой возможности! И, не трогая мирно храпящего дедушку, Доржо подтянулся и выглянул наружу.

Песня суслика

Словно платье степь надела,
Очень стало хорошо!
Значит, будет нынче дело
И для суслика Доржо!

Я найду в траве саранку,
Слаще сахара она.
Я проснулся спозаранку,
А вокруг уже весна!

Доржо выкатился из норки кубарем и немного покувыркался, выбивая из шубки пыль и разминая затекшие за зиму лапки. А вокруг уже всюду цвели подснежники, почти такие же синие, как небо.

– Нарву-ка я букет, – решил Доржо. – Дедушка проснется – вот обрадуется!

И он побежал к полянке на берегу. Стебли у цветов были толстенькие, мохнатые и очень крепкие! Так что он даже успел устать, когда заметил под одним из кустиков сон-травы что-то блестящее. Вот чудеса! Это была странная загогулинка из ярко-желтого металла, то ли цветок, то ли звездоч-

ка, да еще и с ключочком сверху. Что же это может быть? Суслик раньше никогда такого не видел. И Доржо поскакал обратно в норку.

Дедушка уже проснулся и сидел на пороге, тревожно поглядывая в сторону моря. Он понял, что внук побежал встречать весну, но начинал беспокоиться. И тут появился запыхавшийся Доржо с букетом и новостями.

– Деда, погляди-ка, – закричал он еще издали. – Я нашел такую странную штуковину! Это, наверное, кусочек солнца – смотри, как блестит!

– Нет, внучек, – засмеялся старый суслик. – Это, конечно, не солнце... Но вещь интересная. Человеческие женщины носят такие в ушах. Они думают, что так будут красивее...

– Да ты что? – ахнул Доржо. – Такие уродины?! И им помогает?!.

– По-моему, не очень... Но эта к тому же еще и старинная. Я думаю, она лежит тут с тех пор, как люди затеяли строить золотого идола... Тогда из всех селений Бескрайней степи несли люди золото в стан хана Хархана. Долгая это история...

– Деда, расскажи!..

– Рассказать? Ну, слушай...

Давно это было. Первый суслик был тогда малышом-несмышленишкой, который только начал высовывать нос из норы, а солнце на небе висело так низко, что по вечерам, опускаясь спать на тот берег Байкала, иногда подпаливало вершины сосен. Для нас, сусликов, время течет незаметно... А люди отмеряют века правителями. Так вот, в те годы правил Бескрайней Степью Великий Хан Хархан. Тысячи и тысячи воинов служили в его армии. Больше, чем травинок в степи, было скота в его стадах. Сундуки в его казне ломались от золота – вот этого желтого металла, что ты нашел. Люди его ценят дороже жизни...

Сильный это был человек и могучий воин. Не один десяток лет сидел он на троне и земель завоевал немало. Целые рода платили ему дань! Велика была его слава в Бескрайней степи... Но слава земная – дым костра, без следа тающий в небе. Все чаще думал хан Хархан, что будет, когда он отправится в земли предков...

Глава 2.

С вечера Хархану нездоровилось. Ломило поясницу, ныли колени. Так всегда бывало перед дождем. Но небо было бледно-голубым, мутным, как будто подернутым дымкой пыли, и влагой в воздухе даже не пахло.

«Как давно я не ходил под дождем с непокрытой головой», – подумал хан. «С тех пор, как стал ханом», – услужливо подсказала ему память. Все и всегда старались ему услужить. Безропотно отдавали ему лучших овец и коней, безропотно шли войной брат на брата по одному его приказанию. Лучшие красавицы степи, черноокие и чернокосые, как кроткие лани, склоняли перед ним головы, трепеща. Проси, что хочешь, великий Хан! Все исполнится тот же миг, да продлятся дни твои на земле.

А дней оставалось все меньше. Каждый новый восход отнимал у него частичку жизни, ничего не обещая взамен: все на свете попробовал хан Хархан, все испытал. Блеск золота пресытил его, кровь врагов утолила жажду славы, покорность красавиц наскучила. Чего желать еще, он не знал.

Рано утром вышел Хархан из дома, одним резким жестом приказав слугам не следовать за ним.

– Вот этот камень лежал здесь, когда я был мальчишкой, –

думал он, присев на валун у коновязи перед дворцом. – Я играл перед ним в бабки косточками из ног черного жеребенка. И так же играл в бабки мой отец, и дед мой, и дед его деда... Воины умирают. Только камни остаются лежать там, где были, и тлен не властен над ними. А я уйду к отцу моему и деду, и кто вспомнит меня, мальчика, играющего в бабки? Смелого воина? Грозного хана? Лишь этот камень. Но кому он сможет обо мне поведать? Безмолвие и забвение – вот и мой удел...

– Великий Хан изволил предаться раздумьям?..

Хархан поднял голову.

– Кто здесь? Это ты, Сундалат... Вовремя ты пришел сюда, советник. Вели собратья мудрецам. Скажи им: Великий Хан Хархан знает, что дни его на земле сочтены. Даю им срок три ночи: пусть придумают, как сделать так, чтоб дни славы его на земле были бессчетны.

– Деда, а что такое слава? – Доржо потер лапкой нос, отгоняя нахальную бабочку. Заслушавшись деда, он сидел так неподвижно, что летучая приняла его за древесный сучок.

– Слава? Ну, это когда все тебя знают, все тебя боятся, и детям рассказывают, какой ты великий суслик...

– А зачем?..

– Чтоб и они тоже боялись, и своих детей учили...

– А зачем?

– Затем! Неугомонный ты! Это людские дела. У них так принято: кого боятся, тот и молодец. На вот, съешь саранку. Сладкая. Будешь дальше-то слушать?

– Буду, деда!

– Ну слушай...

Глава 3

Недалеко от ставки хана Хархана, в селении на самом берегу моря, жила девушка по имени Жаргалма. Это имя значит – «счастье», но саму ее вряд ли можно было назвать счастливицей: она родилась дочерью простого рыбака и больше знала в жизни труда и лишений, чем безоблачной

радости. Но черные глаза ее редко показывали людям слезы: где бы ни появлялась Жаргалма, слышались песни и смех. Любая работа спорилась в ее сноровистых маленьких руках: она умела и сварить крепкую архи, и приготовить нежный саламат, и сочное мясо. Умела прясть и шить шелковые халаты. Умела выделывать шкуры и кожи так, что на ощупь они были мягче этого шелка. Правда, сама она носила простую одежду, не расшитую ни жемчугом, ни кораллами. Но ярче драгоценных камней светило красотою ее милое, всегда приветливое лицо.

Песня Жаргалмы

Золотистой яркой рыбой
Солнце нежится в волнах.
Если б только мы могли бы
Так же плавать в небесах!..

Вновь зовет к работе утро,
Только счастье – не в деньгах:
В мыслях чистых, в сердце мудром
И в натруженных руках.

А когда наступит вечер,
Мой любимый, будь со мной.
Обними меня за плечи,

И не жди судьбы иной!..

Многие парни отдали бы любые богатства за то, чтоб назвать ее своей. Идет Жаргалма по селенью, корову прутиком подгоняет – редко кто из встречных не замолчит да не заглядится ей вслед.

– Жаргалма, – закричит иной зубоскал. – Эй, Жаргалма! Выходи за меня – подарю твоему отцу пять таких коров!

Да только тут же пихнут локтем в бок остряка его же дружки, так, что поперхнется он шуткой. А пока он поправляет сползшую на глаза шапку, расскажут, галдя наперебой:

– Ты что! Не знаешь! Да наша Жаргалма не променяет своего Аюра и на десять коров...

– Аюра-то? Этого бедолагу-охотника?

– Так ведь он тем летом спас ей жизнь!

– Вот-вот, она побежала встречать отца да и упала прямо в море...

– А волны тогда были, выше сосен!...

– Но он таки кинулся прямо в пучину, и вытащил ее, когда уж почти потонула!

– Ну, ясное дело, разглядел нашу красотку да и пошел к старому Тугуту свататься...

– А тот тоже не дурак, куда тебе, говорит, голодранец!

– Ну да как увидал, какого зверя Аюр добывает, позабыл про такие слова...

– Только, говорят, свадебный подарок потребовал – пять раз по десять лисьих шкурок и десять раз по пять – песцовых.

– Аюр-то тогда ж и уехал за перевал, там песка, как здесь сусликов!...

– Да уж набил, поди, и лис тоже...

– А вернется – тут и свадьбу сыграют. Так что не про нас с тобой Жаргалма!

А девушка ничего не скажет. Усмехнется про себя и пойдет своей дорогой.

Конечно, старый Тугут, как все отцы на свете, мечтал,

чтоб жизнь дочери после свадьбы стала полной чашей. И сам он звонкую монету любил, хотя и ходил с дырой в кармане! Но когда спас Аюр дочь, уже начинавшую тонуть, старый рыбак больше не противился свадьбе. Долгую зиму охотился Аюр на песка и лису, мечтая о том, как поставят они с Жаргалмой свою юрту, как весной, лишь только расцветут первые подснежники, сыграют свадьбу.

А пока влюбленные встречались только на людях, водили на поляне за селением вместе с другими парнями и девушками хоровод-ёхор, и только Жаргалма знала, как крепко, но нежно может сжимать рука Аюра ее пальцы.

Глава 4.

Едва загорелась на небе заря четвертого утра, Хархан приказал слуге собрать в его шатре мудрецов. Тяжелые мысли по-прежнему одолевали хана. Мрачный, как туча осенью, сидел он на расшитых китайских подушках, когда отодвинулся узорчатый полог, и в шатер, низко согнувшись в знак почтения, вошли четверо мудрецов. Следом за ними вошел и советник Сундалат.

– Великий Хан, мудрецы готовы дать ответ на твой вопрос, – молвил он, кланяясь еще ниже.

– Я жду вашего слова, – кивнул Хархан головой в знак милости.

Старший из мудрецов поднялся с колен и, задумчиво пропустил сквозь пальцы седую прядь шелковистой бороды.

– Великий Хан! – проговорил он тихо. – Три дня и три ночи мы искали решение. Мы бросали в костер лопатку барана-трехлетка и смотрели на его внутренности. Мы били в бубен и жгли траву ая-гангу, советуясь с предками. Предки сказали нам: жизнь земная на небе да получит продолжение думами живущих на земле.

– Истинное блаженство ждет в заоблачном краю того, память о ком не истлеет вместе с его костями, – поднял костлявый палец второй мудрец.

– Так сказали нам предки, – проблеял тоненько третий.

Мудрецы поднялись, поклонились и вышли из шатра.

Весь день думал Хархан о сказанном стариками. Вечер вновь застал его на валуне у коновязи. Как же быть, ломал голову хан. Много славных дел совершил он, но завтра родятся новые воины, подвиги которых затмят его. Земли, завоеванные им, захватят враги. Жены изменят, а дети вырастут и

состарятся, как и он сам... Как оставить о себе прочную славу, как? Ему стало душно от безысходности, и он невольно рванул золотую застежку, скрепляющую ворот халата. Мягкий металл сломался под его пальцами, поранив руку.

– Стой, а ну, держи ее! Не пускайте ее! – резкий крик раздался вдруг откуда-то сбоку и в ту же секунду под ноги хану кинулся какой-то большой серый клубок, так что от неожиданности Хархан отпрянул в сторону. А человек, упавший на землю, вдруг кинулся целовать носы его запыленных сапог...

Хархан властно повел рукой, отстраняя подступавших стражников. Человек поднял голову. Это была старая женщина, по ее изможденному морщинистому лицу котились слезы. Серые пряди серыми косицами падали на щеки. Одежда была худой и изорванной.

– О чем твои слезы, мать? – спросил Хархан, – Говори! Твой Хан слушает тебя.

– О Хан, – заплакала старуха еще горше. – Я вдова твоего сотника Мэргена, пятнадцать лет он сражался за тебя, а пять лет назад погиб. Его родичи обманом отняли мой скот, я одна скитаюсь по степи с детьми, питаюсь подаянием... Мой младший сын умер вчера, второй скоро пойдет за ним. Сми-

луйся, хан, защити сироту!

– Встань, женщина, – протянул Хархан с досадой. Его оторвали от важных размышлений ради такого пустяка! – Встань, – повторил он уже более ласково. – Я помню твоего мужа. Он был храбрым воином, и вдова его не должна голодать. Я накажу нечествицев. А пока утри слезы. Горе твое – ничто подле горя, лежащего на сердце твоего Хана... Возьми хоть вот это.

И Хархан протянул старухе сломанную золотую застёжку. Дрожавшие пальцы схватили украшение и сжали его.

– Хан, – пролепетала несчастная, прижимая побрякушку к груди. – Но это слишком много, хан... На это мы с детьми сможем прожить целый год... Мы твои рабы и не достойны такой милости...

– Вздор, – крикнул Хархан. Разговор со вдовой сотника уже наскучил ему. – Бери золото и уходи.

Старуху подхватили под мышки стражники и поволокли прочь, все же не слишком грубо. А та еще долго оборачивалась и кричала:

– Спасибо тебе, о могучий! Да продлит вечное синее небо

дни твои на земле, да будешь ты благословен вечно! Я прикажу детям молиться за тебя! Мы никогда не забудем твоего имени!..

Глава 5.

Доржо перекувыркнулся через голову. Потом еще раз и еще.

-Деда-а! – крикнул он. – Смотри-ка, как я могу! А твой хан так, поди, не мог. Куда ему, старому!..

– Не больно-то ты любезен, внучек, – проворчал старый суслик, потирая занемевшую поясницу. – У каждого возраста – свой мед...

Доржо не слушал деда, продолжая кувыркаться в пыли, пока не скатился в колючий куст.

– Ой-ей-ей! – запричитал он, прыгая на одной ножке. В подошву второй впилась колючка.

– Скачи сюда, непоседа, – ласково усмехнулся дедушка. – Был бы ты поумнее, осмотрелся бы, прежде чем лететь очертя голову.

– Ну, воот, уже дураком ругаешь, – протянул обиженный Доржо, глядя, как дед достает занозу.

– Не дурак ты, а просто мал еще. Я же говорю: у каждого возраста – свой мед. У юности горячие силы кипят в крови. А немощная старость утешается тем, что смотри наперед и все знает.

– И хан Хархан смотрел?

– Смотрел, а как же. Вот только не то он увидел...

– Отчего Господин сегодня не весел со мной?.. – тихо спросила Туяя, самая красивая из молодых наложниц Хархана. – Я ласкаю тебя своим сердцем, а ты и не смотришь в мою сторону. Хочешь, я спою или станцую для тебя?..

– Не надо, Туяя, – покачал головой хан. – Ничего не радует меня.

– Ничего? А взгляни-ка на меня, я надела убор, что ты привез мне из Китая... Или я больше не радую твоих взоров?

Хархан поднял глаза. Шею, грудь и запястья девушки по-

крывали изысканные золотые украшения, они блестели, переливались, мелодично позванивали. Туяа поднялась с колен, взяла в руки моринхур и принялась петь, подыгрывая себе.

Песня Туяа

Посмотри же, о Хан,
Как чудесен блестящий убор.
Для тебя лишь, мой хан,
Он ласкает и душу, и взор...

И горят жемчуга,
Как глаза упоительных дев.
И кораллы красны,
Словно кровь моих лучших надежд.

Умираю, любя,
И сгораю, не зная греха.
Но отдам за тебя
Все богатства земные, о Хан.

Хархан смотрел на танцующую девушку и почему-то снова и снова вспоминал давешнюю старуху. Перед глазами его так и стояла она, с крепко зажатой в узловатых пальцах золотой застежкой, так и звенел в ушах эхом ее крик: «Мы ни-

когда не забудем твоего имени!..»

– Ты и не смотришь на меня? – капризно протянула красавица. Она сдернула с шеи ожерелье. – Не нужно мне драгоценностей. Ты, Господин, дороже для меня, чем все золото мира!

– Золото! – крикнул Хархан, вскакивая на ноги, озаренный. – Золото, снова золото! Конечно! Только оно и движет людскими сердцами! В нем все – и любовь, и благодарность, и вечная жизнь!

На утро гонцы по всем селениям читали ханский указ: для увековечения памяти о себе Великий Хан Хархан повелел изваять из золота и водрузить на вершину самого высокого утеса идола, голова коего коснется облаков. Припадая к стопам его, люди будут молиться о благоденствии Хана в вышнем мире, когда дни его на земле встретят свой предел.

Глава 6.

Прошло три года...

Стражник распахнул узорчатый занавес и угодливо склонился в поклоне.

– Мастер Анастас хочет говорить с тобой, Великий Хан!

– Скажи ему, пусть войдет, – лениво кивнул Хархан.

Строительство идола шло уже слишком долго, и скульптор успел ему порядком надоест. Специально приглашенный из Византии знаменитый мастер оказался капризным, как девица, летом жаловался на зной, зимой на холод, желал то диковинных фруктов, о каких в степи и не слыхивали, то оливкового масла, а работа тем временем продвигалась медленно. Но хуже всего было то, что мастер Анастас непрерывно требовал еще и еще золота.

– Приветствую тебя, кирие Хан! – невысокий быстроглазый мастер опустился перед Харханом на ковер, потирая сухонькие ладошки. – Хорошо ли изволили почивать сегодня?

– Мой сон – не твоя забота, – нелюбезно отрезал Хархан. – Говори, с чем пришел?

– Много ли новостей может быть у презренного червя Анастаса для кирие Великого Хана? Об одном мои слова: если хан желает скорейшего завершения дела, он должен дать Анастасу, с чем работать...

– Но сокровищница и так почти пуста! Ты забрал все толь-

ко месяц назад!

– Ай-ай-ай, пустая казна правителя позор для такого богатого народа!.. Увеличь налоги, кирие хан.

– В этом году мы и так поднимали их уже дважды, мой Хан, – быстро прошептал на ухо Хархану Сундалат, как всегда стоявший позади трона. – Народ ропщет. Будет бунт...

– Вздор, кирие Хан! Народ должен быть рад помочь своему государю! Кем были бы твои люди без тебя? Рабами диких кочевников?

– Прикажи ему замолчать, хан! Этот грек приведет нас к гибели!

– О, Анастас замолчит!.. Анастас будет молчать, как камень! Но у Золотого Идола так и не будет ни рук, ни головы... Хотя еще три-четыре слитка и...

– Молчите оба! – рявкнул Хархан, выходя из терпения. – Сундалат, пиши указ. Все золото, какое только есть у моего народа, должно быть в течение трех дней доставлено в казну. Заслушание – бить плетью, а золото брать силой.

– Деда, а что случилось с ханом? – Доржо грыз большую кедровую шишку и расплевывал скорлупки вокруг. – Он же был такой добрый!

– Золото, мой мальчик, золото и жажда славы! Они открывают истинное лицо людей.

– А как это?

– Дай-ка мне орешек... И еще вот этот... Гляди: оба одинаковые, сверху скорлупка, гладкая, твердая... Вкусные, на-верное!

– Ага, свеженькие! Сойка подарила!

– А теперь смотри. Раскуси-ка скорлупу... Так – здесь ядрышко, крепкое, сладкое!

– Мммм, вкусно!

– А здесь...

– Фу, червяк! Гадость какая!

– Вот так и золото – что твои зубки, снимает кожуру с

людских душ. И сразу ясно – кто добрый человек, а у кого сердце червяк съел...

Черные времена наступили в Бескрайней степи. Словно коршуны налетали ханские стражники на селенья, горланили указ и пять мычаний коровы ждали, пока люди сами отдадут им золото. Если никто не шел – кидались по домам. Вырывали у беззащитных женщин сережки из ушей, срывали пуговицы с халатов, сдирали позолоту с утвари и старинного оружия. Стон и плач стояли над долинами. Всех, кто осмеливался перечить, нещадно били плетью. Но таких было немного.

Они уже прочесали почти весь улус, когда узкоплечий юноша с горящими гневом глазами решительно заступил вход стражникам в самую бедную и низкую юрту, стоявшую на краю.

– У нас нечего брать! – крикнул он. – Убирайтесь прочь, ханские собаки, моя мать больна, не тревожьте ее!

– Ну надо же, какие мы смелые! – обидчики даже не заметили его дерзости, расхохотавшись прямо в лицо. Один из них грубо оттолкнул парня, сбив его с ног, и прошел в юр-

ту. Через секунду оттуда донеслись шум борьбы, сдавленные крики, женский плач... Стражник выбежал на улицу, торжественно задрал к небу руку с большой золотой брошью.

– Смотри-ка, Бато, – закричал он своему товарищу, – В сундуках и правда пусто, но грязная старуха скальвала этим свое рубище! Еще посмела прятать! Совсем обнаглели, сви-
ньи!

Он больно ткнул носком сапога юношу, который поднимался с колен, так, что тот опять полетел лицом в пыль.

– А этому красавчику всыпать плетей, за то, что врал слу-
гам самого Великого Хана!

– Вы не смеете! – юноша вдруг рванулся вперед, пытаясь схватить украшение. – Эту брошь подарил матери сам Великий Хан Хархан! Мы голодали, но мать не продала ханский подарок!

– Что?! – все благодушие разом покинуло стражника. – Да как ты смеешь, наглец, пачкать своим собачьим языком имя самого Хана! Взять его!

Во мгновение ока накинулись стражи на юношу, связали его веревкой и прикрутили ее конец к седлу. Начальник вои-

нов стегнул своего коня, и кавалькада умчалась прочь, скрываясь в клубах пыли. Несчастному пленнику пришлось бежать за конем, еле поспевая, чтоб не упасть. Его мать, стоя на крыльце, с рыданиями ломала руки...

Глава 7.

Хархан возвращался с охоты в хорошем настроении. Ему удалось подстрелить жирную дрофу и пять коз, свита же осталась в этот раз без добычи. Почему-то такие случайности в последнее время начали радовать хана. «Завидует», – думал он, косясь на утомленное спокойное лицо Сундалата, ехавшего, как всегда, чуть сзади. – «Ладно уж, пожалуйю козу. Все-таки почти друг». Словно прочитав его мысли, тот вдруг подал голос.

– Разрешешь ли сказать мне, о хан?

– Говори, советник! Ты желаешь козу? Я дарую тебе эту милость...

– Смиренно благодарю тебя, господин. Но я думал не об охоте...

– Я заметил! – Хархан расхохотался над невольным каламбуром. – Думай ты об охоте, ты бы дарил мне коз, а не

наоборот!

– Все козы в степи принадлежат тебе, мой хан, и рады пасть, пронзенные твоей стрелой. Но народ твой не похож на коз... Люди в улусах недовольны. Будет бунт.

– Ну, вечно ты собираешь тучи в ясном небе! Все идет прекрасно. Анастас сказал, что собранного золота уже почти хватит. Еще половина от этого и идол будет готов!

– Хан, ты отбираешь у народа последнее ради мертвой куклы!

– Я?! Отбираю?! Помилуй, Сундалат, я ничего не отбираю! Я ДАРУЮ своему народу драгоценнейшую статую! Кто ей будет поклоняться, подумай сам, я, что ли?..

– Да, но...

– Оставь это. Мой народ любит меня!

Вдруг на вершине холма горизонте показались облачка пыли. Через пару минут стало ясно, что это скачет отряд стражников.

– Стражники? Отлично! Вот мы у них сейчас и спросим,

как идет сбор нового налога.

Хархан подал знак, один из ханских слуг поскакал навстречу отряду, чтоб заставить их свернуть с дороги, и скоро стражники приблизились к ханскому кортежу.

– Докладывайте, – приказал Хархан. – Охотно ли люди жалуют в казну свое золото?

– Великий хан! – начал было стражник церемонную формулу, но его вдруг перебил юноша с запыленным лицом, привязанный к его седлу. Когда отряд остановился, он упал на колени в изнеможении и долго хватал ртом воздух, как рыба, выброшенная на песок, так что Хархан сперва его даже не заметил. Теперь юноша, шатаясь, поднимался с земли.

– Великий хан! – крикнул он. – Не будь палачом своего народа! Я сын сотника Мэргена, три года назад ты подарил его вдове золотую брошь! Мы голодали, дома не бывало и чашки молока! Я ловил в степи тарбаганов, чтоб прокормиться, но мать не продала твой подарок! Каждый день мы благословляли твое имя в молитвах! А сегодня твои псы отобрали брошь!.. Защити нас, о хан!

– О чем ты говоришь, дерзкий, – нахмурился Хархан. Из всего сказанного он услышал лишь слово «палач», тяжелой

кровью так и пульсировало у него в висках. – Какой Мэрген? Какая брошь?! Ты лжешь, мой народ благоденствует!

– Посмотри мне в глаза, мой хан, посмотри, – воскликнул юноша в отчаянии, – и ты увидишь, есть ли там благоденствие! Там только ужас и мрак смерти!..

– Да как ты смеешь так говорить с ханом! – стражник дернул за веревку. – Не слушай его, хан, это жалкий преступник, позоривший твой имя!

– Ты не боишься смотреть в глаза тигру, – вкрадчиво сказал Хархан, знаком приказав стражнику замолчать, – это опасно, мальчик... Тигр может и прыгнуть...

– Пусть прыгает, – запальчиво крикнул парень, – пусть прыгает, если хочет попасть брюхом на меч охотника!

– Что?! – Хархан отпрянул от такой неслыханной дерзости. – Так попробуй же моего меча! Казнить его!

С места казни ехали молча. Хархан то и дело украдкой поглядывал на Сундалата, все ждал, когда он начнет корить его, но тот безмолвствовал.

– Ну что же, советник, – не выдержал хан, – ты не гово-

ришь мне, что я совершаю ошибку?..

– Благодарю тебя, хан, – ответил Сундалат, криво усмехнувшись. – Пусть в глаза тигру смотрит тот, у кого железное горло...

С каждым днем все страшнее становилась жизнь. Сбылись слова советника: то там, то здесь в селеньях начали вспыхивать бунты, сборщиков налогов встречали градом стрел. Но восстания были жестоко подавлены, а вскоре вышел новый указ: всякого, кто осмелится прямо посмотреть в глаза Великому Хану, ждет немедленная смерть.

Глава 8.

Доржо прижал ушки и хвостик от страха.

– Дедушка, почему люди такие жестокие! – по мохнатой щечке скатилась слезинка. – Неужели никто не остановит его?..

– Ну почему же – никто? Не все люди плохие. Есть среди них и добрые сердца. А иногда суслик может быть сильнее тигра...

– Да ну?! – от восхищения Доржо забыл про слезы. – Правда?!

– Правда. Слушай дальше.

Козел был самый обычный. Вонючий и меланхоличный, с грязной растрепанной бороденкой, он щипал сухой куст и по-хозяйски посматривал вокруг желтыми прозрачными глазами. Его собственный хозяин, такой же старый и с такой же бородой, разве что не пахло от него так сильно, привязал скотину у коновязи, а сам не торопясь попивал густой чай с размолотой сушеной черемухой.

– Пей, дедушка, вот, горяченького подолью, – потчевал его хозяин стоявшей рядом юрты. – Угощайся на здоровье, и расскажи нам что-нибудь!

– А, сказки захотелось?.. – благодушно ухмылялся старик в жидкую бороду. – Скажу, скажу... Вот еще бы саламаты...

Хозяйская дочка молнией кинулась исполнять просьбу старого сказочника. В деревне его и даже его козла любили. Знали: раз пришел Дед Данзан, сказкам и легендам не будет

числа всю неделю.

– Чей козел, – вдруг послышался с улицы грозный рев. – Чей козел, я спрашиваю?!

Все, кто был в юрте, высыпали на улицу. Несчастное животное, привязанное слишком длинной веревкой, отошло от коновязи и преградило путь ханскому кортежу. Огромного роста стражник с пикой наперевес пытался отогнать козла, но тот только нагло бляял и не трогался с места, угрожающе покачивая внушительными загнутыми рогами. На два шага позади стражника сидел на коне хан Хархан, и лицо его было искажено гневом. Он едва сдерживал ярость, но гордость не позволяла ему вмешаться. Вокруг постепенно собиралась толпа зевак.

– Не трожь козла, я его сейчас заберу! – хозяин юрты прикрикнув закивал стражнику, но тот уже не на шутку разозлился и старался ткнуть козла пикой. В толпе слышались смешки.

– Чья это скотина?! – ревел стражник. – Чья?!.

– Не кричи, добрый человек, – толпа расступилась, пропуская дедушку Данзана, который любовно поглаживал свою бороденку. – Я этого козла хорошо знаю. Криком его не возь-

мешь. Он упрямее, чем ты, поверь моей седине!

– А? Что? – стражник обернулся на голос, и козел, воспользовавшись заминкой, коротко заблеял и вдруг резко боднул врага в бок. Тот, не удержавшись от неожиданности на ногах, со всего маху полетел прямо в грязь. Толпа грохнула хохотом.

Такого Хархан вынести не мог.

– Кто насмехается над ханским слугой, насмехается над ханом! – крикнул он, врываясь в круг на коне. Люди испуганно расступились, смех и голоса смолкли разом. Только дедушка Данзан остался стоять, где стоял.

– Это твой козел, старик? Отвечай!

– Может быть, это так, могучий хан, – отвечал дед, лукаво ухмыляясь в усы и не переставая поглаживать бороду. – А может быть, и нет...

– Отвечай, как есть!

– Понимаешь, великий хан, мы с ним так давно вместе, что я уже забыл – то ли это он – мой козел, то ли это я – его старик...

В толпе послышался робкий, еле слышный смех.

– Может быть, освежить тебе память палкой? Это просто!

– Не стоит, великий хан, я и сам справлюсь – наберу навоза, глины, да слеплю второго такого козла! И недорого, и прочно, и уж тот точно будет мой, век не забыть. Тогда приходи, я тебе отвечу наверняка! А с этим и церемониться не будем. Пусть сам решает.

Смех зевак стал чуть громче.

– Я вижу, ты любитель зубоскалить?! – вспыхнул Хархан. В речи старика ему послышался едкий намек. – Как бы зубы моего меча не оказались острее твоих!

– Эээ, Великий хан, ты, видно, не знаешь, что стало с волком, который кусал этого козла спереди? Он подавился рогами!

Люди хохотали, уже не таясь.

В ярости выхватив меч, ринулся Хархан на старика. Толпа отпрянула в ужасе. Но вдруг дорогу хану заступила высокая девушка с длинной черной косой и пунцовыми от волнения

щеками. «Жаргалма, – вздохом пронеслось по толпе. – Дочь рыбака Тугута, Жаргалма, Жаргалма...»

– Эй, Хан! – крикнула она, загородив старика своим телом. – Ты называешь себя тигром. Но истинный тигр выбирает добычу по себе! Только шакалы рвут слабейшего! Позор тому, кто не уважает старость, – твердо сказала она, гневно глядя Хархану прямо в глаза. Потом повернулась и, взяв старика за руку, пошла прочь. Козел, который в суматохе успел сам отжевать свою привязь, мирно потрусил следом.

Толпа расступилась, пропуская Жаргалму. Все взоры были устремлены на хана. Вот сейчас он крикнет, и стражники изрубят дерзкую девушку в куски вместе со стариком. Но хан молчал. Он молчал и только, не мигая, смотрел ей вслед. Первым опомнился Сундалат. Он незаметно щелкнул пальцами, и старший стражник, увидев это, стал разгонять толпу.

– А ну, расходись! – кричал он, распахивая народ плечами и щедро отвешивая тумачи. – Расходись по домам! Дорогу Великому Хану!

Сам Великий Хан, казалось, его не слышал.

Глава 9.

Я понял, дедушка, я понял! – Доржо захлопал в ладошки от радости.

– Этот хан, он... влюбился!.. Ха-ха-ха!..

И суслик закатился хохотом, повалившись на спинку и дергая лапками.

– Тише, дурачок! – одернул его дедушка. – Над любовью смеяться грешно. Вот только я и сейчас не скажу тебе, полюбил ли хан Жаргалму. Я иной раз думаю: просто испугался он ее...

– Ну да! Чего ж ему бояться! Он же – ого-го! Хан! И с саблей. А она-то – фу, девчонка!

– Что же, Доржо, иногда самая острая сабля тупится от одного прикосновения к честному горячему сердцу.

– Это когда?

– Это когда на его стороне – правда.

– Так, Сундалат, – Хархан взволнованно мерил шагами шатер. – Ты ее видел: высокая, лет двадцати. Коса черная. Нахалка... – хан улыбнулся в усы, – Узнай: откуда, кто родители...

– Не прогневайся, хан, – виновато улыбнулся советник. – Я дерзнул не дожидаться твоего приказа...

– Друг! – Хархан сжал его руки в своих, – Ты... Так говори же!

– Ее зовут Жаргалма, дочь рыбака Тугута. Думаю, отец был бы рад отдать ее тебе, он жадноват до денег... Но она просватана.

– Просватана? Вот как! За кого?

– Простой охотник, Аюр безродный. Приемьш.

– Ну, так он для нас не преграда...

– Нет... Там, мой хан, какая-то старая история. Кажется, он спас ей жизнь. Да и... Девичье сердце...

– Эээ, Сундалат, только не говори мне о крепости деви-

чьих сердец!

– Да, мой хан, но эта овечка не похожа на других.

– Не похожа. Это точно, не похожа... Что ж. Найдем другой путь.

Отходя этим вечером ко сну, Хархан поймал себя на мысли, что впервые за долгие годы ни разу за весь день не подумал о Золотом Идоле.

Во сне к нему пришло решение. Если нельзя победить врага честно, можно пойти на хитрость. Можно сделать так, чтоб соперника просто не стало! Нет, убийство – не выход. Так девушка его только возненавидит. Но в ставке вторую неделю гостят послы Тамирхана, правителя соседней страны. Тот прислал их за рекрутами – начал большой поход, боится один не справиться. Собирает силы... Хархан до последнего тянул с ответом, жалея своих воинов. Но, пожалуй, можно пожертвовать парой сотен ради дела... Утром хан вызвал послов к себе.

– Я даю вам сотню лучших воинов, и возьму по 10 золотых монет за каждого, – объявил он и, увидев недовольное выражение на лицах послов, добавил: еще сотню вы можете завербовать сами, по улусам... Нанимать можете и за деньги

и... без них, – добавил он чуть погодя. Послы обрадовано закивали: слова хана означали, что они могут хватать и забирать парней без разбора, силой. – Одно условие: в эту сотню должен войти охотник Аюр. Встречайте его на северной дороге. Я сказал.

Послы поклонились и вышли, потирая руки.

Глава 10.

Цок, цок, цок! Звонко стучат копыта рыжего лохматого конька. Но еще звонче стучит сердце охотника Аюра. Скоро, скоро увидит он Жаргалму, скоро скажет ей, что всего три шкурки ему осталось добыть, чтоб выполнить условие будущего тестя. Целый месяц он охотился вдали от дома и теперь возвращается к невесте, и сердце его поет от радости.

Песня Аюра

Над головою – соколы,
А в сердце соловей.
Услышь меня, высокая,
И стань навек моей.

Лисицей быстроногою
Не прячься от меня,

Я в спешке, ясноокая,
Совсем загнал коня.

Пускай родня жестокая
Встречаться не велит –
Вернусь к тебе до сроку я,
Измаялся вдали!

Цветы в степи поблеклые,
С тобою не сравнять.
Люблю тебя, далекая,
И ты люби меня!

Осенний вечер спустился незаметно. Еще вот только аллея на горизонте зорька, как вдруг все уже погрузилось во тьму. «Спешиться, заночевать в степи?» – думал Аюр. Но желание поскорее увидеться с любимой оказалось сильнее. Он махнул рукой и поскакал дальше, не зная, что его поджидает не только Жаргалма...

За версту от селенья он заметил в степи, чуть в стороне от дороги, мерцающий огонек. Подъехав ближе, юноша увидел троих всадников, которые устраивались на ночлег. Самый старший из них приветствовал Аюра, как положено. Тот ответил.

– Не хочешь ли передохнуть и обогреться у нашего костра? – спросил старший. Выглядел он странно, и речь его, хотя и правильная, звучала иначе, чем у жителей долины.

– Спасибо за приглашение, – поклонился охотник. – Я спешу, чужеземец...

– Ха! – рассмеялись новые знакомые. – Да как же ты догадался, что мы чужеземцы? Точно! мы послы соседнего хана. Едем в ставку вашего Господина Хархана. Садись к огню, догадливый путник, раздели с нами ужин!

– Дорога была здесь вчера и сегодня, авось, не уползет до утра! – сострил второй посол, и все трое загоготали над его шуткой.

Как ни торопился Аюр, обижать таких радушных хозяев ему показалось неудобным, к тому же, все трое были старше его. Он поблагодарил и сел к огню. Скоро поспел ужин, вкусный и сытный. Послы щедро подкладывали Аюру лучшие куски, не скупясь, подливали в его чашу архи. Скоро он совсем захмелел и не заметил, как старший из его хозяев украдкой высыпал в питье какой-то порошок...

Аюр проснулся, когда солнце уже стояло в зените, от странного ощущения скованности. Жутко болела голова, все

тело ныло, как будто его избили камнями. Он хотел потянуться, и не смог. Рванулся сесть, но тело его не слушалось... Аюр крепко зажмурился и снова открыл глаза, преодолевая головную боль. Постепенно забытье отступало, мир обрел ясность... И юноша понял, что лежит в каком-то шалаше, крепко связанный по рукам и ногам!

– Помогите, – закричал он, – на помощь!

На крики в шалаш зашел его вчерашний знакомец.

– Не шуми, сынок, – примирительно сказал он. – Ты вчера малость перебрал, вот и пришлось тебя... того. Но ничего. Хорошему воину добрая чаша архи не во вред!

– Развяжи меня! – сердито крикнул Аюр. – И я не воин, я охотник!

– Ошибаешься, сынок, – ухмыльнулся посол. – С нынешнего дня ты воин славного Тамирхана!

– Что?! Да как?!

– И уж прости, развязать я тебя не развяжу... Не сердись, сынок, мы тебя малость обманули...

– Послы-то мы послы, вот только скачем не в ставку, а обратно! – высунулся из-за плеча старшего давешний остролов.

– Хархан-хан разрешил нам набрать в армию Тамирхана сто юношей. Соглашайся добром – получишь коня, новое седло и десять монет!

– Стать солдатом? Ни за что! Меня учили стрелять лисиц, а не людей...

– Ну что ж, тогда пойдешь за моей лошадью со спутанными руками!

Так охотник Аюр стал пленником.

Глава 11.

– Хан едет, хан едет! – звонкий мальчишечий голосок летел селенью, проникая во все уголки. Чумазый босоногий карапуз мчался стрелой впереди ханского коня, оповещая всех соседей о визите Хархана.

А того, как ни странно, не сопровождала свита. Один ехал он по кривой улочке, горделиво выпрямив спину, и из всех щелей следили за шагом его коня настороженные глаза. У

крайнего дома Хархан остановил коня.

Хозяин, подобострастно склонившись, уже ждал его у входа.

– Здесь ли живет рыбак Тугут? – надменно осведомился хан.

– Здесь, мой хан, здесь, я слушаю тебя! – залебезил тот. – Желает ли хан свежей рыбы к своему столу?

– Не за рыбой пришел я. Великая честь выпала твоему роду, бедный рыбак! Хан желает видеть дочь твою Жаргалму.

– Жар... Жаргалму?! – от неожиданности рыбак осип. И через секунду закричал уже в полный голос:

– Жаргалма! Жаргалма-а! Беги сюда немедленно! Господи, счастье-то какое! – всплеснул он руками и, пятясь, кинулся в юрту. Но уже через мгновение высунулся обратно.

– Нет ее, мой хан, – горестно пожал он плечами, – глупая девчонка убежала куда-то... Но пусть только вернется, я сам сведу ее к тебе, о великий!

Ни слова не говоря, не прощаясь, Хархан дернул пово-

дья, развернув коня, и поскакал прочь. Он искал встречи с Жаргалмой уже неделю, караулил ее то на пастбище, то у источника, сам приходил в ярость от того, что ведет себя, как мальчишка, и сам через час бежал искать ее снова.

Избавиться от Аюра оказалось еще проще, чем он думал. Теперь неугодный охотник, должно, был уже по ту сторону перевала, но это ничего не изменило. В те редкие минуты, когда Хархану удавалось вызвать девушку на беседу, она лишь дерзила ему, так что хан с трудом подавлял в себе искушение жестоко наказать ее. Но нет, он, который не смел даже пальцем тронуть нежную кожу ее щеки, разве смог бы он допустить, чтоб этой кожи коснулась ременная плетка?

– Скажи, что мне делать дальше, Сундалат? – спросил он советника, который дожидался своего господина на краю села. – Я завоевал семерых царей, а завоевать сердце девчонки не могу!

– Будь терпелив, мой хан... Ты брал осадой тех, кого не мог взять с бою. Кстати, не она ли это... Вон там, у ручья?..

– Она! Сундалат, я...

– Да, мой хан.

Хархан рванул поводья и помчался в степь. Девушка в синем дэгэле, сидевшая на берегу ручья, заметив его приближение, вскочила и хотела бежать, но было поздно. Она смиренно склонила голову, приветствуя своего хана.

– Жаргалма, – нежно проговорил Хархан, – не бойся меня, прекрасное дитя... Ты назвала меня шакалом, но я не гневаюсь. С тобою я даже не тигр – я кроткий ягненок...

– Для ягненка на твоих клыках многовато крови, – тихо сказала девушка. – Не преследуй меня, великий хан. Я не выйду за тебя.

– Я взял бы тебя силой, глупая, и твой отец благословил бы меня! Но я не хочу этого. Смирись, Жаргалма, или это не честь – стать ханшей? Немногие из дочерей смертных удостоивались ее!

– Вот и удостой ту, что жаждет такой милости. Женись на Туяа...

– Туая! Рядом с тобой она все равно что ворона рядом с жаворонком.

– Скажи мне, о хан, зачем тебе жениться на девушке, которая тебя не любит? Не лучше ли выбрать ту, что с радо-

стью отдает тебе сердце?

– О, ты полюбишь меня! Я брошу к твоим ногам все богатства степи! Ты видела моего идола? Он почти готов! Анастас, это мой скульптор, говорит, что не создавал раньше ничего более прекрасного... Хочешь, я закажу ему твой портрет?..

– Закажи, мой хан, немая статуя будет покорнее меня! – воскликнула девушка и, подобрав полы халата, побежала прочь.

– Смотри же, строптивая девушка! – прокричал Хархан ей вслед. – Я буду ждать до зимы, и если ты добром не явишься в ставку, я увезу тебя сам! И не говори, что я не был милостив...

Он яростно хлестнул коня плеткой, так, что тот захрапел от боли, и, взметая клубы пыли, умчался прочь.

Глава 12.

Путь через перевал оказался труден. Зима в горах наступает рано: степь еще греет неяркое солнышко, а голые скалы уже припорошены снегом. Сосны гнутся от ветра, скрипят и стонут. Закованные в кандалы, унылой вереницей брели

пленники по склону. Тех, кто согласился служить Тамирхану по доброй воле, ждала лучшая участь: они шли свободно, но никто не получил ни обещанных коней, ни золота. Мрачны были лица будущих солдат Тамирхана.

– И как это тебе, Бадю, пришло в твою глупую голову на-
няться к Тамирхану! – в сердцах ударил по плечу соседа один
из них.

– Моя голова не глупее твоей, Даба! – ответил тот, неве-
село усмехнувшись. – Или это не ты идешь тут со мной?

– Обманули, проклятые послы! Сами-то вон небось вер-
хом, а людей гонят, как скотину...

– Скажи спасибо, Даба, что идешь без кандалов!

– Твоя правда, Бадю! Но как обманет Тамирхан и с моне-
тами – убегу, право слово, убегу!

– Эх, Даба... Как бы горы да снег не укоротили тебе ног...

В ответ Даба только молча махнул с досадою рукой. Негромкий разговор слышен и пленникам, идущим в цепях. Вздохнув тяжело, мужчина с седыми усами смахнул слезу, набежавшую от ветра:

– Не стало простому человеку жизни в великой степи... Как тут не просить милосердную смерть призвать нас к себе в первом же бою...

– Рано отчаиваешься, друг! – Аюр, идущий первым в цепочке колодников, обернулся к седоусому. – Мы еще на этом свете и можем постоять за себя!

– Ээээ, юноша, горячая кровь молодости говорит в тебе... Но хозяин твоей молодости не ты, а Хархан да Тамирхан!..

– Хархан? Хан не мог предать нас, это измена!

– Нет, юноша, не мы нужны нашему хану, а золото. Ради него продает наш хан свой народ...

Аюра приковали первым в цепи, чтоб он всегда был на глазах. Сердце юноши разрывалось от горя. Он не мог простить себе, что поддался на уговоры случайных знакомых и потерял Жаргалму. Но еще больнее было предательство Хархан-хана. Но, может, послы соврали? Нет, говорили ему собратья по несчастью. Это известно точно: их взяли в плен с ведома и согласия хана Хархана. «Верно говорят люди, – думал Аюр, – вечное синее небо вложило ему в грудь сердце холодной змеи». Все бы отдал молодой охотник, чтоб вы-

рвать своими руками это черное сердце! С каждой новой тяготой дороги это желание становилось все более невыносимым.

Во время редких привалов люди жались к кострам, пытались плотнее запахивать полы халатов, садились теснее, чтоб согреться. Лепешки, которые швыряли им стражники, были похожи на задубевшую кору.

– Этот хлеб замерз, его нельзя есть! – крикнул кто-то из пленников. – Дайте хоть напиток горячего!

– Ничего, разгрызешь и так!

На пятую ночь пути, когда они уже почти достигли перевала, снег повалил снова. Скоро началась настоящая метель. Липкие белые комья забивали рты и глаза, лезли за воротники худых халатов, делали неподвижными и без того заковананные ноги... Утром нашли мертвым от холода седоусого товарища Аюра.

– Эй, что делать с этой падалью? – крикнул охранник, обнаруживший его окоченевшее тело.

– Откуй да брось тут валяться! – ответили ему. – Волки да вороны найдут, куда его деть...

Смерть, которую еще вчера призывали, как избавление, став реальностью, вселила в души пленников ужас. Взрослые мужчины, не таясь, лили слезы, будто женщины, оплакивая свою горькую судьбу.

Аюр шел молча, стиснув зубы и сощутив глаза, слезящиеся от резкого ветра. Цепь, ставшая слишком длинной, путалась в ногах, он машинально подобрал в кулак излишек и тут же выронил его, вздрогнув, обжегшись о ледяной металл. Цепь слабо звякнула. Аюр поднес к глазам закованную руку. Снова и снова осматривал он звенья, пытаясь найти место, где был прикован погибший седоусый. Вот оно!.. В следующую секунду Аюр уже искал глазами камень, который был бы достаточно тяжел, и который можно было бы поднять, не привлекая лишнего внимания.

Аюр оказался прав: освободив из колодок мертвеца, стражники не особенно старались, снова заклепывая цепь. К чему усердствовать, думалось им, когда до границы владений Хархан-хана остались считанные дни, и куда деваться пленникам, если вокруг скалы да непролазные сугробы?

Но они не знали, как сильно Аюр хотел увидеть свою Жаргалму, как страстно мечтал отомстить вероломному хану. Ночью он достал припасенный днем камень и осторожно, но

крепко ударил им по непрочной заклепке. Цепь зазвенела.

– Эй, кто здесь? – раздался сонный голос охранника.

– Прости, господин, я неловко повернулся! – крикнул Аюр. Ответом ему был лишь богатырский храп.

Уже почти не таясь, был он по заклепке снова и снова. И крепление не выдержало. Свободен! Стараясь не греметь остатком цепи, медленно поднялся он на ноги. Кругом царило безмолвие. Забылись тревожным сном пленники, храпели, напившись для согреву архи, их конвоиры.

Аюр поглубже натянул шапку на уши и шагнул в темноту.

Дорога назад оказалась еще сложнее. Снег все валил и валил, так что скоро юноше пришлось брести по колено в рыхлой белой каше. Голодный и продрогший, он то и дело падал и снова поднимался. Он не думал больше ни о Хархане, ни о седоусом, ни даже о Жаргалме. Все силы уходили на то, чтоб сделать еще шаг. Все мысли были лишь о том, что его надо сделать несмотря ни на что.

Его побег обнаружили, едва рассвело.

– Гляди-ка, а охотник-то наш сбежал! – один из стражни-

ков поднял над головой обрывки цепи.

– Ну, видать, и впрямь он такая важная птица! Недаром Хархан-хан дал нам за его голову девяносто девять своих людей... Что же, снарядим погоню?..

– Э, что ты говоришь, глупец! Один бежавший – не такая большая потеря, чтоб ради него вести назад две сотни человек. Пусть идет своей дорогой... волку в пасть!

– А как же условие Хархан-хана? Охотника-то мы и должны были увести!

– Какое условие? Рекруты у нас... Мы почитай что у перевала, а там и граница! А на своей земле плевать я хотел на волю чужого хана!

Но Аюр этого не знал. Еще счастье, что ниже по склону метели не было и снега почти не намело. Но на третью ночь, шатаясь от голода и усталости, он не заметил шаткого камня и угодил в пропасть... Чудом зацепился рукав его халата за торчавший из скалы куст. Кое-как Аюр сумел подтянуться и выбраться наверх. Отлежавшись к рассвету, он подкрепился последним засохшим куском лепешки и пополз вниз... Идти он уже не мог.

Полуживого Аюра, упавшего без сил у подножия горы, нашел старый пастух, который замешкался откочевать на зимник. Он приютил парня в своей хижине, обогрел и подкормил его. Когда Аюр немного окреп, то рассказал деду свою историю, и тот показал охотнику, как добраться домой, да еще и дал на дорогу сушеного овечьего сыра, лепешек и молока.

Глава 13.

– Смотри-ка, деда! Снег!.. – Доржо выглянул из норки и увидел, что за ночь степь как будто укрылась невесомым полупрозрачным покрывалом.

– Да, снег... – вздохнул старый суслик, глядя из-за плеча внука. – Раненько в этом году.

– Вот и лето кончилось... Скоро зима, да?

– Что ж, малыш, все кончается... и сказке нашей скоро конец.

– Жаль!

– Не жалеј, Доржо! Будет новая весна, и будут новые сказки!

– Ну вот, кирие хан, а кто говорил – Анастас мошенник, Анастас вор?.. —

Хан и греческий мастер стояли у подножия утеса, наблюдая за тем, как рабочие, облепившие золотого идола, словно муравьи, обвязывали его паутиной веревок, укрепляли блоки, снимали леса. – Ни золотого не взял себе Анастас, зато посмотри, какую красоту сделал он для тебя... Совсем ничтожной наградой было бы...

– Погоди, хитрый грек! Работа еще не окончена. Надо поднять моего идола на самую вершину этого утеса, чтоб небо и звезды могли любоваться им...

– Поднимем, мой хан, поднимем! Эй, эй!

По его знаку еще десятки человек сбежались к идолу, и, схватившись за веревки, обливаясь потом, медленно потащили громаду в гору.

Хан, как замороженный, смотрел на статую, сияющую в

лучах солнца.

– Вот так и память о тебе будет сиять в веках, мой хан, – хитро ухмыляясь, поклонился ему лукавый грек, – будет сиять, доколе стоит над миром твой Золотой Идол!..

Невесело было долгими осенними вечерами в доме рыбака Тугута. Поначалу тот даже радовался, что небогатый жених пропал, но, глядя, как никнет день ото дня его хохотушка и певунья дочь, как вянет ее яркая краса, он не на шутку забеспокоился. Когда с первыми белыми мухами снова пришел в селенье дед Данзан, рыбак не пожалел уговоров, чтоб только зазвать его к себе на постой. Теперь, как только зажигали светильник, собирался в доме народ, чтоб послушать улигэры и сказки, и девушка стала повеселее. А еще через пару дней забрела старуха-нищенка, попросила поесть и обогреться.

– Входи, бабушка, – пригласила Жаргалма. – Зимуй у нас, негоже в такую пору быть без крыши над головой.

Так дома стало людно. Слышались голоса, снова звучали и смех, и песни... И никто даже не замечал, что Жаргалма совсем не выходит из дома, боится на шаг отойти от юрты и все сидит подолгу у очага, глядя в огонь.

Именно в такой вечер в дверь к ним постучали.

– Кто там? – ворчливо спросил рыбак. – Юрта моя имеет стены, не облака! Неужто еще появились огольцы сказки слушать? Нет уже места, нет! Завтра придете!

Но Жаргалма вдруг встала и пошла к двери, повинуюсь какому-то странному порыву. Дрожащей рукой откинула она полог. На пороге стоял Аюр! Худой, изможденный, но все же живой. Девушка не закричала, не бросилась ему на шею. Она лишь не отняла руки, которую он горячо схватил и прижал к своей груди. Жених и невеста стояли, глядя в глаза друг другу, и как будто не помнили, что в юрте вокруг них полно людей. Покашливая и перемигиваясь, гости деликатно потянулись к выходу.

Первым очнулся дедушка Данзан.

– Что же ты, хозяйюшка, – ласково упрекнул он, – дорогого гостя на пороге держишь?

Встрепенулась, вскинув глаза, девушка, легкой птичкой закружилась по юрте. В один миг был накрыт стол, постлана лучшая кошма.

Поев и отогревшись, долго рассказывал Аюр про свои зло-

ключения.

– Да, – закончил он. – Если бы не этот пастух, не пришлось бы мне больше погреться у вашего огня... – Он повернулся и протянул руки к очагу.

– Этот голос... – вдруг раздался невнятный шепот откуда-то из угла. – Этот голос, и это лицо в свете очага... Нет, не может быть...

– Кто тут? – обернулся Аюр.

Из темноты, робко кутаясь, выступила низенькая сгорбленная фигура.

– Это всего лишь я, полоумная старуха... Не слушай меня, сынок.

– Нет, нет, говори, бабушка! Садись вот сюда, ближе к огню.

– О чем мне говорить, сынок? Небеса не были ко мне милосердны... Когда-то я была богата и знатна, а дни свои кончаю нищенкой, которую люди кормят из милости.

– Ээээ, – подал голос Тугут, – когда я попрекал тебя кус-

ком хлеба? Уж одну немощную старуху я как-нибудь прокормлю...

– О-хо-хо... Когда-то я была женою ханского сотника, но он погиб тому уже почти десять лет назад...

– А дети? Их у вас не было? – спросила Жаргалма.

– Были и дети! Трех сыновей я родила мужу, и все трое были похожи на отца. Но первенца я потеряла. Младший сын умер в голодное время... А среднего казнил в прошлом году наш хан. С тех пор я и скитаюсь...

– Но ваш старший сын? Может, он жив, и его можно найти?

– Да где же искать его? Уж двадцать лет прошло с тех пор... Однажды мы кочевали на новое место. Ночью на нас напали... И я, и муж остались живы, а вот служаночка моя, которая несла ребенка, пропала. Долго искали их по степи, да так и не нашли. Я сейчас напугала тебя, сынок, своим шепотом... Это лицо твое в отблесках огня и твой голос показались мне сдуру такими знакомыми, как будто я увидала моего Мэргена, еще молодым... – старуха заплакала.

– Полно, бабушка, – ласково сказал Аюр. – Ты потеряла

детей, а я никогда не знал родителей. Меня вырастил охотник, которому кто-то подкинул на порог юрты сверток из шкур и шелков с младенцем внутри. Приемная мать говорила, что ткань была такой дорогой, что, продав мои пеленки, меня кормили целый год! А на память о родной матери у меня осталось только это. – Он расстегнул ворот и вытащил на свет стершийся шелковый шнурок, к которому был подвешен серебряный амулет, украшенный бирюзой и волчьими клыками.

– Дай-ка взглянуть, – от щек старухи, и без того восковых, вдруг отхлынула кровь. – Это же... Мой амулет! Сынок! – вскрикнула она и упала без чувств.

Глава 14.

Долго не гасили в эту ночь светильник в юрте Тугута. Когда утихла первая радость от неожиданной встречи матери и сына, и старушку, счастливую, Жаргалма уложила спать за занавеску, она решила рассказать Аюру, кто был на самом деле виновен в его исчезновении.

– Ты еще не знаешь главного, – потупилась девушка, подсев к любимому поближе. – Когда ты пропал, Хархан хан начал подкарауливать меня повсюду, даже просил у отца моей руки...

– Я отказал! – замахал на нее Тугут, мотая головой. – Не слушай дуреху!

– Я не выхожу их дома уже восьмой день... Он грозился... увезти меня силой, – голос девушки задрожал.

– Так вот в чем дело! – Аюр вскочил на ноги, готовый бежать и сразиться с ханом прямо сейчас. – Значит, слуги Тамирхана говорили правду! О, будь проклят он, похититель невест! Я убью его вот этими руками!..

Жаргалма ахнула и закрыла рот ладонями, старый Тугут испуганно замахал руками теперь уже на юношу. Один дед Данзан внешне остался спокоен.

– Не торопись, сын мой, – сказал он. – Не торопись. Ложись спать. Утро вечера мудренее... Завтра я скажу тебе, как мы поступим.

Солнце еще не показалось из-за дальнего края великого озера, а дед Данзан уже стоял на берегу, глядя вдаль. Ветер трепал его длинную бороду, губы старика кривила легкая усмешка. Но вот первые лучи зари осветили все вокруг, закричали чайки над волнами... От воды веяло прохладой и безмятежностью. Золотой точкой сиял в утренней голубизне

неба идол хана Хархана, возвышавшийся на утесе.

Дед Данзан поднял голову. Небо над степью было чистым, синим, как сердцевинка цветка ургы. Но на горизонте, там, где гордо устремлялся в небо золотой идол, начинали клубиться легкие облачка тревожно-лилового цвета. И дед вдруг кивнул головой своим мыслям, как будто увидел то, что и ожидал увидеть.

– Доброго утра, дедушка, – неслышно подошедший сзади Аюр поклонился старику.

– Ты рано встал, сын мой...

– Я не сомкнул глаз, дедушка.

– Напрасно, сынок.

– Я ненавижу хана...

– Можно убить одного, но завтра трон займет следующий. Вечное синее небо дает народу такого правителя, какого он заслуживает. Боги поставили над нами хана Хархана и только им решать, должен ли он покинуть свой престол...

– Так что же, смириться?!

– Нет. Всего лишь предоставить богам исполнить свою волю. Наши предки поклонялись Синему небу и Синему морю – Байкалу. Вот пусть они и решают, как судить хана Хархана...

– А мы?

– А мы только лишь доставим его на суд. Сегодня же. Пойди, позови Жаргалму...

И дед показал Аюру на горизонт, где все явственнее сгущались тучи. Воды Байкала, казалось бы, еще только что прозрачные и ласковые, подернулись серой грозной рябью.

Озираясь, подошла Жаргалма к источнику за водой. Там ее, как это повторялось уже несколько недель подряд, караулили ханские лазутчики, следившие, куда она пошла, и докладывавшие обо всем Хархану. Обычно, заметив их, девушка сердито кричала и кидала в шпиков кусками глины, а то и навоза. Но сегодня она улыбнулась и замахала им рукой еще издали.

– Эй, вы, – крикнула она. – Передайте великому Хану, что, когда взойдет луна, я буду ждать его на берегу, возле утеса, где стоит Золотой идол!

Получив сообщение шпионов, Хархан не знал, чему верить. Ему было и страшно, и радостно, он то почти не сомневался, что Жаргалма даст свое согласие, то покрывался холодным потом при одной мысли, что это ее очередная каверза. Но догадка об измене даже не приходила ему в голову. И, едва стемнело, он надел лучший халат, пригладил бороду и усы и приказал подать коня.

Когда Хархан подъехал к берегу, луна стояла уже высоко в небе. В ее серебряном свете все было тихо, лишь шептались на ветру кедры да еле слышно шипели набегавшие волны.

– Эй, хан Хархан! – донесся откуда-то сверху звонкий смеющийся голосок. – Догонит ли грозный тигр ловкую белку? Поймай меня!

Хархан вскинул голову. Жаргалма сидела высоко на ветке одинокого кедра, росшего на склоне холма, прямо там, где кончалась почва и начиналась скальная шапка утеса. Она хохотала и болтала ногами. Сердце хана затрепетало от радости. Она здесь, она не обманула! Забыв все на свете, Хархан взбежал наверх и девушка, смеясь, соскользнула с дерева. Хан попытался схватить ее тут же в объятия, но она, смеясь, вывернулась и отбежала к утесу.

– Догони меня, хан! – задорно крикнула она снова, и, ловко перепрыгивая с камня на камень, стала забираться все выше. Хархан поспешил за ним. Годы и тучность не позволяли ему скакать с такой же ловкостью, но он все же достиг вершины утеса, не слишком задохнувшись.

Жаргалма уже стояла у ног идола на небольшом уступе, сразу за которым был обрыв.

– Я догнал тебя, теперь иди сюда, озорница! – воскликнул Хархан.

– Лучше ты иди сюда, мой хан, – тихо ответила девушка, и голос ее почему-то уже звучал без прежней веселости.

Спрашивая себя, что опять случилось, Хархан подошел и встал рядом.

– Взгляни вокруг, – повела рукой Жаргалма. – Вот – наверху, Вечное синее небо, внизу – Байкал, Вечное синее море... Может быть, сегодня ночь нашей свадьбы, мой хан. Пусть они будут у нас свидетелями!

– Да, здесь красиво... Вся степь и море, как на ладони! Лучшее место выбрал я для моего Золотого Идола, девушка!

– Знаешь ли ты легенду о горячем сердце?

– Легенду?..

– Да, мой хан... Много лет назад долго бродил наш народ по пустынной степи, и нигде не мог найти воду. Люди измучились, взрослые ослабли, дети болели от жажды, скот пал. И тогда один старик вынул из груди свое горячее сердце и опустил его наземь. В тот же миг из этого места забил кристальный источник. А уже через несколько дней раскинулось вместо него наше прекрасное море...

– Глупая девушка, ты позвала меня сюда слушать древние выдумки?

– Может быть, это и выдумка... Может быть, имя того старика и забыл наш народ. Но память о его благодеянии жива... Хотя он и не строил идолов.

– А вот мой Идол сохранит для потомков мое имя... Взгляни только, как он величествен, как прекрасен, как сверкает золото, из которого он сделан! Скоро сияние его затмит и звезды, и луну, и солнце! И люди будут говорить: Хархан воздвиг его, Хархан подарил нам новое Небо и новое Солнце!

Верь мне, девушка, люди забудут их, но будут помнить меня! И цветы будут поворачивать головки к его свету, и птицы – сверять по нему свой путь, а твой Байкал и Вечное небо будут всего лишь зеркалами, в которое станет глядеться свысока сам Золотой идол Хана Хархана!..

Хархан говорил горячо и громко, не замечая в запальчивости, что встал уже почти на край обрыва, раскинув руки, как птица, готовая к полету. Он не видел, что девушка неслышно отступила в сторону. Он не видел и того, как бугрились и ворочались лиловые, тяжелые тучи над его головой, как скрылась за ними луна, как нежная гладь Байкала начала покрываться неровной рябью, как побежали по ней барашки первых бурунов... Едва выкрикнул он последние, кощунственные слова, завыл страшный ветер, небо раскололи десятки молний, поднялась буря, задрожала земля, и огромный камень, на котором стоял Идол, вдруг сорвался с места, где лежал уже тысячу лет, и полетел вниз.

Вслед за ним полетел в бушующие воды и хан... Еле слышен был в реве бури его крик. И не успел он умолкнуть, как навстречу Хархану поднялась из пучины огромная волна, поглотившая без следа хана, грозного среди людей, но не равного древним богам.

В тот же миг гроза стихла. Вся дрожа, вышла Жаргалма

из-за скалы, где пряталась... Утерла слезы. Сразу же посветлело небо, выглянула луна, кедры уже не сгибались со стоном под шквалистым ветром, а тихо плескали ветвями. Осторожно спустилась Жаргалма с утеса. В ночной тишине вдруг особенно громко послышался стук копыт. Аюр и дед Данзан уже ждали ее у подножия. Молча Аюр подал девушке руку, посадил ее в седло впереди себя, обнял и крепко поцеловал.

С тех пор закончились в Бескрайней Степи черные времена. Так и не увенчала самый высокий утес на берегу Байкала бессмысленная фигура сияющего Золотого Идола. Да людям и без нее неплохо.

Белый-белый снег укутал все вокруг, словно облако спустилось в долину. Стало холодно. Суслики укрылись на зиму в норке.

– Даааа, – протянул Доржо, сворачиваясь в калачик на травяной подстилке и натягивая одеяльце до самого подбородка. – Вот это сказка!..

– Это не сказка, – строго сказал старый суслик. – Это – мудрость...

– Деда, а ведь все-таки имя хана Хархана не забыли! – вдруг догадался Доржо, садясь в постельке. – Значит, Золотой Идол все-таки помог ему? Разве не так?

– Так-то оно так, – усмехнулся дед. – Вот только много ли ему прока от этой памяти на дне моря? Ты как думаешь?

– Не знааааю... – смутился суслик. – Наверное, нет...

– Вот то-то же! Только наши добрые дела могут оставить прочную память на земле. Спокойной тебе ночи, малыш!

И дедушка задул светильник.

Конец.